

Автор представлен членом Художественного совета **Юрием Семенцом**

от перешедшего грань

выдох. из двери на выход. бескрылье. точка.
кто-то опять родился. то сын, то дочка,
лёжа на белой простынке стылой Земли,
учатся плакать, чтоб их понимать могли.
жизнь по понятиям. лечат, когда болит.

думаешь, я утрирую? нет. я честно
эту планету считал бесподобным местом
издалека, не заснув, не очнувшись здесь.
двери раскрылись. я не озверел? молодец!
фиг оскотинишься, помня себя как есть.

где-то бескрайняя радость ныряет в небо,
нам бы её, как рыбу, ловить в свой невод.
некогда. жаль. не до этого. там обстрел,
здесь наводнение. денежный беспредел.
кто остаётся без хлеба, а кто - не у дел.

нравится жить? и живи. здесь такое дело:
любят не душу (не видят её), а тело.
впрочем, поэты стараются хорошо,
так воспевают любовь, что ещё, ещё
хочется вляпаться в то, что сто раз прошёл.

нда. написав, что Земля - бестолковое место,
я обманул бы себя. и тебя. так есть, но
всё здесь Игра - повторяй про себя наизусть.
вдох. дверь на вход. чьи-то крылья. мои? и пусть
было недолго. но, знаешь... а, я вернусь!

Пассажир Никто

Аэропорт Нигде. Стопы идущих прочь. Ветер в порталах окон.
Мой самолёт - всегда. Время дробят часы. Спины, объятья, гул.
Сонный монах Лука, строгий имам Саддам, вспыльчивый пастор Йохан -
пальцы одной руки, звенья одной цепи - общий небесный Гугл.
Мир воплощённым - дом, волк человеку волк, вера заблудшим - помощь,
В церковь сбежал Лука, перетянув струну, от вселюдских помех.
Учит Коран Саддам, и проклинает всех, кто наизусть не помнит
книги его стихи. Йохан устал твердить: грех, это грех, всё - грех.
Кукольный пыльный цирк, небо в стекле очков, солнце сквозь боль
прохлады.

Как я тебя люблю, несовершенный рай, поле азартных игр!
Йохан идёт пасти паству свою. Саддам ищет в джихаде правду.
Судит врагов Лука на языке святых. Вера ломает мир.
Церковь стыдит грехи, копит мечеть тротил, спит индуизма гуру
в пору, когда его очередной дитя
стынет на свалках дна.

Аэропорт Нигде в бог весть какой стране. Мир наизнанку. Утро
быстро сменяет день. Пёстрые платья тел. Джаз и стакан вина.
Мой самолёт готов. Я пассажир Никто. Правду деру по крохам,
Вижу налёты лжи, помню капканы войн, знаю напалм страстей.
Сонный монах Лука, строгий имам Саддам, вспыльчивый пастор Йохан,
Бог - это каждый Я. Бог - это каждый Ты. Всюду. Во всём. Везде.

Мы есть

По крышам идет снег, по окнам бежит дождь,
Расстаться бы навек, но знаю, что ты ждёшь.
Ты просто меня ждёшь, как добрую ждут весть,
Мы разные - и что ж. Мы счастливы. Мы - есть.
В пустыне поёт песок, смеётся в лесу река,
Мы двое из тех, кто смог понять, для чего и как
Столкнуло нас в точке А, и вывело по прямой.
И сложно сказать «пока», вышёптывая «постой».

Да важно ли это всё, растасканное на пыль,
Когда проживаешь сон как явную суть, как быль.
По кончикам пальцев ток, едва я тебя коснусь,
Живу в этом сне, как Бог, не думая, что проснусь,

По окнам бежит дождь, по крышам идёт снег,
Ты просто меня ждёшь, как суша - глоток рек.
По крышам стучит Мир, и падает в гнёзда луж,
И прячем друг друга мы в объятья своих душ.

стать Богом

на пепелище маленького царства,
где жмут в лохмотья стёртые тела,
стать богом сложно. не за что держаться,
когда мираж швыряет из седла

тебя, как куклу. нитки-нервы рвутся,
ещё один удар, и ты пропал.
стать богом тяжело, если не проснуться,
и не понять, насколько крепко спал.

под снегом спал, под солнцем спал, под градом,
под плетью неподвижного кнута.
стать богом больно, страшно и не надо
там, где людей и так нехватка, там

где вся любовь - печаль и чувство долга,
клеймо на сердце, раны и вина.
стать богом можно. хочешь? стань убогим.
смотри на свет не с берега - со дна.

не оставь, не покинь

не оставь, не покинь.

так написано в выцветших старых письмах домой,
в каждой чёрточке нежность и право хоть что-то запомнить,
право памяти, знаю, мне будет дорого стоить

не оставь, не покинь.

эта просьба впечатана в кожу мою клеймом,
кислотой не свести, и ножом на живую не срезать,
обесцвеченным мягким не переклеймить железом

не оставь, не покинь.

может, это лишь фраза из песни? давным давно
мы купили пластинку, в тревожном двадцатом веке
мы включали ту песню, и наши краснели веки

не оставь, не покинь.

потому что разорванность душ оставляет шрам,
потому что нескладность естественна - жизнь нескладна,
потому что мне больно, я - нерв, я открытая рана

не оставь, не покинь.

так убогая мать, что младенца кладёт под дверь,
малодушием кашляя и поперхнувшись свободой,
знает - больше не будет плода, не продлится рода

не оставь, не покинь.

это книги название - хлёсткое, как струна,
ты напишешь её через век, и польются слёзы
из бесчисленных глаз читателей чистой прозы

не оставь, не покинь.

я проснусь на борту космолёта в тот самый миг,
в тот момент, что иные обычно считают последним,
ты разбудишь меня осторожно, шепча сквозь время

не оставь, не покинь.

аквамарина

рыжая девочка пишет морской пейзаж,
на берегу молоко и баранок связка,
мама сказала, что взрослые носят маски,
если в душе пустота, или грусть, или ложь,
часто бывает, что лишь через боль поймёшь,
кто ты на деле, и ради чего плывёшь
в лодке без вёсел и в штиль. сквозь густые краски

вечером на маяке загорается свет,
рыба уходит ко дну, дожидаясь солнца,
кто-то, такой долгожданный, никак не вернётся,
он не вернётся, покуда ты ждёшь и ждёшь,
слишком желанное ближе не станет. что ж,
это закон равновесия. ты дорастёшь.
рыжая девочка, всё, как всегда, обойдётся.